***

Над счастьем и грехами, выше крыш,
обнажена, без облачного грима,
летит такая голубая тишь,
что музыка её невыносима.

Она сливает радость и беду,
равняя их в пространстве одиноком.
Вот грузят рыбу, что лежит во льду,
поблескивая скользким чёрным боком.

Вот воздух – сладкий, словно на развес,
и женщина проходит в синем платье.
Когда дыхания уже в обрез,
не нужно сокрушаться о расплате.

И сокрушаться нужно, и страдать,
и страстью становиться постепенно,
ведь молча музыка звучит опять
и ласково ломает об колено.

***

М. Б.

Как пахнет облетевшая листва —
беззлобно, золотисто и устало, —
так выглядят наивные слова
о том, чего всегда мне не хватало.

Я ни за что их не произнесу,
не выпущу, не разожму ладони.
Я очутился в сумрачном лесу,
и музыка безмолвия на фоне.

Но музыка безумна из глубин,
где всё слепым отчаяньем воспето;
но целомудрен голос гнойных глин:
прекрасна жизнь, когда лишили света.

***

М. Б.

Искры снега высекает свет,
у рябины тонкий контур светел.
Я сказал, но я услышал «нет»,
а кому-то сам я не ответил.

Тороплива твёрдая вода,
ночь темна, по-честному несчастна,
а во мне взрывается звезда
так бессмысленно и так прекрасно.

В строгой середине декабря,
музыки в себе не замечая,
это я иду или не я?
Бог молчит, его судьбой играя.

***

Вечер январского дня –
разоблачение, что ли:
если не любишь меня,
значит, не чувствую боли,

и одинокая плоть
переполняется бездной
там, где готовил Господь
праздник – теперь бесполезный.

Я выхожу из метро,
но на какой же из станций?
Снега свербит серебро.
Девочка кружится в танце.

Подняты липой легко
отяжелевшие звёзды.
Светом на сердце легло,
не превращается в воздух.

Необратимый январь
вижу я словно в разрезе.
Гаснет напрасный фонарь.
Иней блестит на железе.

***

Вспомнилась мне улица одна,
голубая, тихая, пустая,
словно нежная изнанка сна.
Спелый снег на ней лежит, не тая.

Кажется, придумана была
улица для ангелов когда-то:
так печальна, ни добра, ни зла
и ни в чём она не виновата.

Ангелы устанут от забот
и опустят крылья в тихий холод
этой улицы, прервав полёт,
каждый встрепенётся, станет молод.

Только знаю: ангелов-то нет.
Я на мир смотрю не так наивно.
Для кого тогда пуста призывно?
Для кого тогда застывший свет?

***

Не экспрессивно, словно Шнитке, –
скорее шепчущий снежок –
чужие речи по ошибке.
Но дай мне голоса глоток.

За одного себя в ответе,
обмылок смысла, талый лёд,
скользит он в оперённом свете,
не отразив твоих высот.

Оставь уже меня в покое:
не ангел будет на снегу,
но только злое и земное
с трудом я высказать могу.

***

Уверен стриж, ликующий расстрига,
что бог – свободный воздух, а не книга,
что человек – лишь талая беда.
Не говори об этом никогда.
Слышны грозы громоздкие вольфрамы
и немота из погребальной ямы.
Вся физика – пустой Сизифов гром.
Молчи, не говори: приём-приём.

***

Когда под чёрным зонтиком дождю
он улыбается холодным летом,
лафа здесь валит жадному вождю,
который обращён к народным бедам.

Кто с лирой и без лиры, кто не Лир,
тому не до бунтующей природы,
ведь под рукою верный нивелир
и нужно знать количество свободы.

А тишина растёт не по часам,
она звучит не на заёмно-русском,
чтоб оказаться слышной по утрам
лишь бабочкам, синицам, трясогузкам.

***

Напрасная и праздная вода,
и я среди неё стою шпионом
под равнодушьем высшего суда,
над нежным искажённым небосклоном.

Река вливается в мои глаза,
и я вычерпываю вечность взглядом.
Но вот стремительная стрекоза
стреляет в воздух слюдяным снарядом.

Не задевая зеркала крылом,
она, как я, прожорливо-глазаста,
бесстрашно отражается на нём
и только безучастьем сопричастна.

Её не схватит зрячее стекло,
и не приблизится она, доверясь,
она зависла нагло, наголо,
стреляет снова, устремляясь через

меня, и вот уже летим – куда? –
в пространстве беспрепятственном и трудном,
где трудятся и небо, и вода.
Ни неба, ни воды не зачерпнуть нам.

***

Раскроется, но не раскается сирень.
Как эти небеса спокойны и лазурны!
Так безобразен и благообразен день,
как мусор, выпадающий из полной урны.

Раздавлен голубь на асфальте, но крыло
топорщит непокорно – вот позор и слава.
Дух драгоценной судорогою свело.
Как смеешь ты, кто дал тебе такое право?

Как будто музыка? Да, словно бы она,
и невозможно жизни с нею расквитаться,
и так безвыходна, и так обнажена
среди страдания растущих стридуляций.